

О жизни в «доме Андрея Белого», биологическом факультете МГУ, трагической экспедиции на Байкал и Михаиле Пришвине

<http://oralhistory.ru/talks/orh-1460>

🎤 20 сентября 2012

Собеседник

Лубны-Герцык Елена Александровна

Ведущий

Споров Дмитрий Борисович

Дата записи

Беседа записана 20 сентября 2012 и опубликована 18 декабря 2012.

Введение

Биолог, специалист по зоопланктону Елена Александровна Лубны-Герцык — прямой потомок двух древних дворянских родов: Вандербеллен и Тидебель, — давших России исключительное количество выдающихся ученых, промышленников, военных и государственных служащих. Поэтому ее рассказ не только о научной биографии, но и о «преданьях старины», связанных с историей страны.

Детство Елены Александровны прошло в «доме Андрея Белого» — на Арбате, 55, в квартире Елены Максимилиановны Тидебель (1847–1928), первой женщины — музыкального критика в России. Елена Александровна — представитель легендарной многовековой арбатской интеллигенции. В первой беседе Елена Александровна рассказывает о споре отца, Александра Константиновича Вандербеллен, со Сталиным, встрече в Дунино с писателем Михаилом Пришвиным, профессорах биологического факультета МГУ 1940-х годов — Александре Николаевиче Формозове, Борисе Степановиче Матвееве, Льве Александровиче Зенкевиче и других, вспоминает, как началась война, и описывает Москву военного времени. Яркая и трагическая часть рассказа — история про экспедицию биофака МГУ на Байкал в 1943 году.

О своих предках

Лубны-Герцык: Я благодарна родителям за то, как они смогли передать мне то хорошее, что получили в своем воспитании и в своем восприятии мира. Благодарна отцу особенно, поскольку, к сожалению, мама моя умерла при моем рождении.

Споров: То есть во время рождения?

Е.Л-Г.: Да. От заражения крови в 1921 году. Сейчас бы, конечно, ее сохранили, но в то время никакого пенициллина и прочей защиты не было, и так случилось. Это огромное горе: папа потерял любимую жену, любимого человека, и мы с сестрой, ей было 5 лет, потеряли маму. Были тетушки со стороны мамы, две совершенно замечательные женщины. Они были одинокие, незамужние москвички из рода Тидебель. Это известная фамилия немецкого происхождения, и у них в роду были достаточно знаменитые люди: много было военных, участников Крымской войны 1854-го, а так же 5-го года на востоке и так далее. Это со стороны мамы. Со стороны папы у меня тоже наследие получилось очень богатое, потому что отец его — Константин Александрович по фамилии Ван дер Беллен — был крупным помещиком. Он голландского происхождения. По легенде семьи предки были выписаны или вывезены при Петре из Голландии. Одна ветвь обосновалась в Петербурге, другая ветвь однофамильцев — на Урале. Сейчас там есть диаспора под фамилией Вандербеллен, но у нас никогда не было связи, это была совершенно другая ветвь.

Мама Елена Эдуардовна Тидебель. 1915

Д.С.: Другая ветвь или однофамильцы?

Е.Л-Г.: Однофамильцы. Вывезены были, видимо, в одно и то же время. Пётр активно интересовался судостроением. Предки моего отца как раз из судостроителей, инженеров, обосновались в Санкт-Петербурге, затем в Псковской губернии. Мой дед получил в наследство большое имение Александровское, непосредственно под Псковом, и стал заниматься сельским хозяйством. Он выращивал зерновые культуры и племенной скот: коров голландских пород, был не только хорошим хозяином, но и ученым, имел большой контакт с Тимирязевской сельскохозяйственной академией.

” Летнюю практику, на полном содержании деда, в его имении проходили студенты. Многие академики были его друзьями: Вильямс, Лорх, Прянишников, Лискун и другие.

К сожалению, переворот 17-го года вынудил родителей отца покинуть Россию. Имение было разгромлено, дом сгорел, и родители через Финляндию, имея голландское подданство, выехали за границу, в Голландию.

Д.С.: Они оставались голландскими подданными? Все время после Петра сохранялось голландское подданство?

Е.Л-Г.: Да. А мой отец в 15-м году получил уже образование, окончил Политехнический институт в Петербурге и уже имел хорошую работу. В том же году он женился на Елене Эдуардовне Тидебель. Они венчались в церкви и жили на Арбате у тетушек, они всегда были москвичами.

Д.С.: Как интересно. А они венчались по православному обряду? Они не были лютеранами?

Е.Л-Г.: Нет. У отца было лютеранское вероисповедание, но я не очень знаю, когда он поменял его, когда женился на православной, или можно было его сохранить? Честно, я не знаю об этом, но мне казалось, что он поменял вероисповедание на православное, потому что уже мы были крещенные этой же церковью с сестрой как православные.

Д.С.: А в какой церкви?

Е.Л-Г.: Это Спасопесковский переулок.

Д.С.: Понятно, церковь Спаса на Песках. Это единственная сохранившаяся.

Е.Л-Г.: Да она была немного разрушена, колокольни были сняты, теперь ее восстановили, и она действующая.

Д.С.: Та что на «Московском дворике» Поленова?

Квартира на Арбате

Е.Л-Г.: Да, там школа, которую я окончила. Квартира — дом 55, Арбат, угол Денежного, там тетушки на третьем этаже имели хорошую, большую квартиру.

Д.С.: Там ведь тоже стояла церковь напротив.

Е.Л-Г.: Да, церковь Святой Троицы.

Д.С.: Вы, значит, жили в том доме, который описывает Андрей Белый?

Е.Л-Г.: Да. Он жил в другом подъезде, со стороны Арбата, а мы — со стороны Денежного переулка. Я арбатский житель с рождения. Сначала жила в доме 55, а вот в 85-ом году, нас выселили, мы получили

квартиру в этом доме: Арбат, дом 20.

Д.С.: То есть, если для Булата Окуджавы «арбатство, растворенное в крови», было мифом, поскольку он прожил тут пару лет, то для вас «арбатство, растворенное в крови» в самом, так сказать, прямом смысле?

Е.Л-Г.: Мало того, я очень хорошо помню двор, где Окуджава жил. Этот двор выходил на Кривоарбатский переулок. В нем была наша школа. Был проходной двор, и мы постоянно туда бегали. Там был стол, теперь сделали имитацию его, там была арбатская шпана, но, во всяком случае, нам было очень весело. Мне кажется, что очень многие помнят свою дворовую жизнь того времени. У меня тоже была дворовая жизнь, и я любила наш двор. Мы там проводили много времени, и когда бывали праздники, например, елка, домой приглашали не только школьных подруг, но и подруг со двора. Нас с сестрой воспитывали тетушки. Одна из них преподавала языки — немецкий и французский, а вторая — известный музыкант, музыкальный критик, но об этом я не буду рассказывать, потому что очень много материала.

Д.С.: История ваших тетушек.

Е.Л-Г.: Сегодня мне больше хочется рассказать про университет, поскольку я очень хорошо помню все это время. Поэтому я не буду останавливаться на некоторых дополнительных вопросах, о которых уже есть написанные статьи, есть в интернете сведения о семьях Тидебель и Лубны-Герцык. Но Лубны-Герцык я по мужу, родство у меня идет по линии Вандербелен.

Д.С.: Да, пожалуйста.

Имение деда А.К. Вандербеллена «Александровское» под Псковом

Поступление на биологический факультет МГУ, летние практики

Е.Л.-Г.: 39-й год застал меня семнадцатилетнюю, окончившую школу. Надо было думать о будущем. И поскольку мне очень нравилось, что дед занимался сельским хозяйством, отец любил природу. Он всегда весной собирал первые цветы полевые и приносил их домой, любил ходить в лес и считался охотником. Правда был очень неважным охотником, но самое главное, он очень любил природу, и эта любовь передалась мне. У нас в школе была очень хорошая учительница биологии, и я решила пойти в Тимирязевскую академию. Когда папа услышал мое желание, он сказал: «Ты подумай, потому что Тимирязевская академия дает образование с расчетом, что это будет прикладное использование. А ты городская, поэтому, наверное, важнее получить образование высшее, классическое, университетское. И попробуй попасть на биологический факультет, в университет МГУ».

Д.С.: Это папа вам предложил?

Дедушка Константин Александрович Вандербелен

Е.Л.-Г.: Да, за что я ему очень благодарна, потому что он принимал участие, был мне очень близок и дорог всегда. Я приняла его совет и поступила по конкурсу в 39-м году на биологический факультет в МГУ.

Д.С.: А тогда были отделения? Такой-то там биологический факультет и отделение такое-то?

Е.Л.-Г.: Нет. Я помню, что был общий. 130 человек принимали на весь факультет, и было общее образование. Помню, что после 2-го или 3-го курса факультет делился на зоологическое и ботаническое

отделения, далее были кафедры. У нас был очень хороший коллектив. Мы просто были довольны и счастливы. Уже после 1-го курса нас посылали на практику в заповедники. Первый заповедник был под Ржевом, в Нелидово. В этом заповеднике были не только студенты от Московского университета (три студентки), но и от питерского, и от Нижнего Новгорода. У меня есть фотография, я ее потом вам покажу. Мы там замечательно провели время. Руководителями у нас были профессор Кашкаров и Станчинский. Это были замечательные профессора, которых выслали по каким-то причинам из МГУ, но они смогли сохранять себя в заповеднике и преподавать нам. Так что мы хорошо знаем сфагновое болото. Это незабываемые места. Мы в масках от комаров (лизолом пропитанные марли), шли по болотам, мы встретили медведя, мы скрывались, мы слышали, мы видели его. Мы ходили по грибам, потому что мы вынуждены были их топтать, их было так много! Это такие замечательные, заповедные места, не знаю, сохранились ли они сейчас. О Нелидове у меня даже стихи были. Там было замечательно. Голодно было, но грибы нас выручали, и траву какую-то мы тоже готовили, ягоды; были в хороших отношениях с деревьями, так что жили там прекрасно.

Д.С.: А там что было? Биостанция или что-то другое?

Е.Л-Г.: Это я не помню. Саму избу помню, как мы там жили, а к кому она относилась, я так и не могу вспомнить. Так прошла практика после 1-го курса. Наступает следующий 41-й год. Практика после 2-го года обучения. Университет смог выбрать очень хорошее место для своего стационара. Это под Звенигородом. Достаточно было доехать до станции Голицыно, Белорусской железной дороги, потом пересечь на поезд, который едет до Звенигорода, а Звенигород — это тупик. И, кстати, до сих пор через реку мост только пешеходный. Основное сообщение этого прекрасного и старинного города идет с другой стороны. Правый берег реки Москва высокий, лесистый берег, если от станции железнодорожной пойти вверх по течению километров 6, вы дойдете до стационара, построенного, по-видимому, в годах 30-х. Состоял он всего из нескольких домиков, это был лабораторный корпус. Было общежитие и летняя столовая, но главное, конечно, это лес и берег реки.

С нами были преподаватели, нам преподавали орнитологию, ихтиологию, эмбриологию, ботанику. Мы были такие счастливые! Рано утром, до восхода солнца шли слушать в лес птиц, наблюдали за гнездами.

У меня было гнездо иволги... И вот выходя из леса по пыльной дороге, мы увидели, как к нам навстречу бежал наш сторож. Он громко кричал, размахивал руками: «Война!» Вот так встретили мы войну. В нашей группе 15 человек, 8 было мальчиков. Они сразу же уехали в Москву. Мы остались для того, чтобы законсервировать станцию. Надо было зарыть оборудование и забить домики досками. Мне посчастливилось, потому что папа был рядом. Он снимал дачу, расположенную вниз по течению по этому же правому берегу, от станции еще 5 километров, в деревне Дунино.

Д.С.: Это случайно так получилось или папа специально подобрал?

Знакомство с М.М. Пришвиным

Е.Л-Г.: Это было случайно, но папа уже раньше знал это место, а вот то, что на станцию я приехала, будучи студенткой, это уже был счастливый случай для меня. Я оказалась рядом с ним, там он отдыхал, там он познакомился с писателем Пришвиным. Сейчас там музей, но там тоже очень большие воспоминания, потому что прекрасный лес, проселочная дорога и то, о чем можно только мечтать.

Д.С.: Простите, а вы с Михаилом Михайловичем Пришвиным виделись?

Е.Л-Г.: Да.

Д.С.: Если это сейчас не перебьет вашу основную мысль, то расскажите ваши впечатления о Пришвине.

Е.Л-Г.: Мой папа, как я уже говорила, очень любил природу, он предпочитал деревенскую природу и снимать дачу старался в таких местах. Кто-то ему посоветовал, что есть такая деревня около Звенигорода, Дунино. Он снял в избе комнату с крыльцом. Надо сказать, что когда вы идете от станции Звенигород, то идете глухим лесом по проселочной дороге, и через 5 километров перед вами открывается забытая деревенька Дунино — всего 4 или 5 изб, у них нет забора, есть только плетень, который огораживает огороды. Прекрасный колодец с чистой родниковой водой. Население пользуется этой водой только для питья. Огороды поливают из реки, и носят ее вверх и вниз по крутому берегу на коромыслах, в ведрах. Папа посадил редиску красную, которую мы потом возненавидели, потому что ее нужно было все время поливать. С папой мы гуляли много в лесу. Однажды мы встретили приятного господина. Мы знали, что где-то рядом живет писатель Пришвин... Господин остановился, поздоровался, папа представился. Михаил Михайлович пригласил нас к себе в дом. Это оказался довольно старый деревянный дом, двухэтажный, вплотную прилегал лес, и дом казался не очень ухоженным. Но внутри все было замечательно. Были хорошие комнаты, прекрасная большая библиотека, главное, приветливые люди. Но поскольку мы знали, что Михаил Михайлович затворник, мы не стали задерживаться, раскланялись, ушли. Уходя, я обратила внимание, что у него сад запущен, но с навесом, и под навесом — автомобиль старенький, по-видимому, какая-то связь с городом у него была, но в основном он был затворником. Хорошо, что был открыт потом музей. Я знаю, что он существует до сих пор, и туда приходят многие туристы.

Д.С.: Это единственная встреча с Пришвиным?

Е.Л-Г.: У меня — да, а папа продолжал знакомство.

Д.С.: А по обстановке дома, он же очень любил природу, и вы очень любили природу, папа ваш очень любил природу. Вы обратили внимание, у него картиночки, камешки, корешки. Это же все он очень любил, трава, листья?

Е.Л-Г.: Конечно, я что-то заметила, мне все-таки 16 лет, я как-то не приглядывалась. Это были мимолетные воспоминания.

Д.С.: Он вам как зрительно? Как вы его восприняли? Опишите.

Е.Л-Г.: Очень приятный, закрытый человек.

Д.С.: А внешне?

Е.Л-Г.: Вот в лесу мы встретили его. Он был в накидке и в шляпе... Замкнутый человек... Это было достаточно яркое, но единственное впечатление.

Д.С.: Понятно. Спасибо, я вас немного оторвал от вашего рассказа.

Михаил Михайлович Пришвин

Е.Л-Г.: Это был 37-й год. Настолько папе понравилось это Дунино, что в 41-м году он опять решил снять дачу в этой деревне, и в этот раз мы оказались с ним рядом: я на биостанции всего в 10-ти километрах. Мне ничего не стоило его навещать, папа снял баньку старую при даче у семьи немцев. Достаточно приятная хозяйка, и что устраивало отца, то что это был запущенный сад (показывает фотографию).

Д.С.: А это кто?

Е.Л-Г.: Мы с папой. Около дачи был совершенно запущенный участок, весь в цветах, его это очень привлекало. Из деревни ему приносили продукты и парное молоко, которое он очень любил. Я окончила на том, что началась война.

” Спустя некоторое время отец мне рассказал, что 21 июня на машине немецкого посольства приехал сын хозяйки дачи и стал ее срочно собирать в Москву. Мадам Ульмер бегала по даче с диким возгласом: «Mein Gott! Mein Gott!!». То есть 21 июня многим было известно о войне.

Но это не нужно, лучше вырежьте.

Д.С.: А почему вы говорите, что надо вырезать этот кусок?

Е.Л-Г.: Ну, понимаете, о войне столько написано...

Д.С.: Давайте не будем вырезать этот кусок.

Дискуссия отца с И.В. Сталиным

Е.Л-Г.: Хорошо. Отец не реагировал, был образованнейший человек, отец не спохватился. Понимаете, разные слои интеллигенции, разные слои общения, разные восприятия мира, вот. Отец потерял

родителей, они уехали в Голландию. Он оставался в России. Он стал советским человеком. Он был голландцем по происхождению, но русским по духу. Если я вам покажу родословную, то там везде «фон», «фон», «дер». Он имеет дворянское происхождение по таким-то документам, все у меня уже есть теперь. Только никогда он об этом не говорил, и, естественно, он берег нас с сестрой от любых политических ситуаций и обстановки. Единственное, что в своих воспоминаниях пишу: мне непонятно, каким образом мой отец, будучи принципиальным, порядочным, очень образованным человеком, оставался в 37-м году на плаву? Каким образом? У него вокруг были осуждены его коллеги. Он имел узелок белья на всякий случай дома.

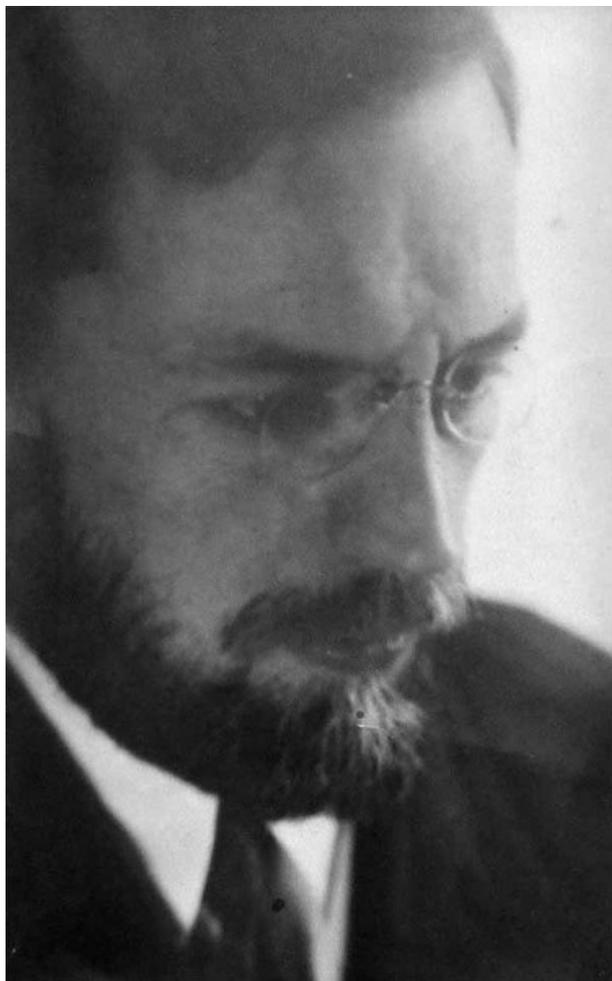
Д.С.: И вы помните?

Е.Л-Г.: Я это очень хорошо помню. По-видимому, народному хозяйству еще нужны были образованные профессионалы, а он был членом ВСНХ, и он сохранялся на этой должности. Но у него произошла дискуссия на заседании ВСНХ со Сталиным. Он вступил с ним в дискуссию по вопросам кадров. Он сказал: «Вы арестовываете моих лучших инженеров, и я хочу сказать, что производство от этого страдает». Отец был крупным металлургом, поднимал промышленность. Сталин ему говорит: «Ну, если вы так недовольны, то мы и вас освободим от должности!» И его сняли. Он сохранял только профессорскую должность в Горном институте.

Д.С.: Это отец вам рассказывал об этом разговоре со Сталиным?

Е.Л-Г.: Нет, я узнала не от отца, от журналиста спустя много лет. У меня есть документ этого заседания, он вошел потом в очерк журнала «Цветные металлы», № 10, октябрь, 1967 год.

Вы, наверное, знаете, книга «Мозаика судеб» в университете. Биофаковцы МГУ 30-х — 60-х годов. Я попадаю в этот срок. Пишет Нина Леонидовна Ястребова, она гистолог, профессор университета: *(читает)* «Заявление я подала все-таки в МАИ. И вот накануне начала приемных экзаменов, то есть 30 июня 40-го года, я встречаю на улице учившуюся в нашей школе Лёлю Вандербеллен, уже студентку 2-го курса, которая с восторгом мне рассказывает о биофаке, собираясь на практику в экспедицию. В результате 31 июля — последний день — я беру свое заявление из МАИ и успеваю до 2 часов подать его на биофак. 1 августа я уже пишу на биофаке сочинение. Экзамены почти те же, что и в МАИ были. После 20 августа нахожу свою фамилию среди принятых. Помню свою внутреннюю шальную реакцию: „Как все-таки мне удалось?!“ Хотя конкурс был в тот год 6,5 человек на место. Вот и роль случая или, вернее, личности в истории моей жизни».

Отец Александр Константинович

Моя подружка, Эля Анчарова, когда был «лысенковский период», она была аспиранткой у Формозова — орнитолога.

Д.С.: Расскажите о нем.

Е.Л-Г.: Она как аспирантка, в знак протеста против Лысенко, узнав о гонении на профессора Формозова, демонстративно покинула аспирантуру МГУ и стала работать в энциклопедии.

Д.С.: В Советской или Медицинской?

Е.Л-Г.: В Советской.

Профессора биофака МГУ

Д.С.: Так кто учителями вашими были?

Е.Л-Г.: Формозов, Абрикосов, Зенкевич, Матвеев. Боже мой! Вы знаете, он всегда, когда читал лекцию, был в движении. Он показывал, как лягушки прыгают, он всегда это показывал, и мы смотрели на него, открыв рты, потому что это было очень интересно и очень весело! Вот такой был Матвеев. Но он был требовательный, я помню, на экзамене я запнулась, что-то я напутала, ну я могла напутать что угодно: я была фантазеркой от рождения, а Георгий Васильевич Никольский, у которого я была на кафедре

ихтиологии... Ой, Георгий Васильевич, вот у нас он потом на Уче имел станцию, не в Звенигороде, а на Уче. Он был чудесный человек, я ему очень благодарна. Он в моей судьбе сыграл очень большую и хорошую роль — удивительный человек! Георгий Васильевич был добрейший, и я помню, сдавала экзамен Матвееву, и он почему-то оказался недалеко. Он говорит: «Вы знаете, она знает, только вот она забыла немножко и что-то перепутала» (*смеется*). Я очень хорошо помню, как перед Матвеевым, который почувствовал, что уже что-то путаю, хотел меня остановить, он меня оправдал. Вот такая была штука. Экзаменов мы много сдавали, поэтому на каждом были свои приключения. Вот сколько у меня впечатлений!

Д.С.: Расскажите, пожалуйста, про ваших учителей подробно.

Е.Л-Г.: Профессора биофака МГУ все были замечательные люди; о них есть справочники, много книг, главное — благодарная память учеников. У меня есть свои воспоминания, расскажу коротко о тех, у которых имела счастье учиться. Вот о профессоре Матвееве я вам рассказала, страшно увлекающийся человек. Академик Зенкевич Лев Александрович (кафедра беспозвоночных). Его лекции мы слушали с придыханием. Имея кроме университетского образования еще и юридическое, он хорошо говорил. Красивый человек, профессор выходил на кафедру большой зоологической аудитории с ассистентами в белом накрахмаленном халате с указкой. Его слушать приходили с других факультетов и кафедр. В «лысенковскую» кампанию он был вынужден покинуть МГУ. В 50-е годы он работал в Академии наук в Институте океанологии, заведовал лабораторией бентоса. Участвовал в экспедициях на э/с Витязь. Был начальником экспедиций; так что мне повезло, что я еще с ним работала.

Профессор Формозов (кафедра орнитологии) был обаятельный человек. Еще получилось удачно для меня то, что мы были знакомы семьями с Фромгольт. У него была дача в Снегирях. Прекрасное место, там дача МХАТа, а Фромгольт был главный врач. И Наташа, моя сверстница, говорила: «Козел-то рядом с нами!» Мы у него все кирпичи воровали (*смеется*). Козловский рядом с нами жил. А Формозов был другом и приезжал туда, потому что там очень хорошо, и он ходил слушать птиц, и мы с ним увязывались. Это было еще до университета. Я даже не знала, что это был Формозов. У меня есть отрывки памяти, когда он уже преподавателем, а я еще не была студенткой, но он был знаком с Фромгольтом. Был у них на даче, и мы были у них на даче. И мы вместе с дочкой хозяйки увязывались с ним, только он не разрешал нам вообще ни слова произносить, чтоб нас было не видно и не слышно. Таким образом, я Формозова почувствовала не только как преподавателя, но и как замечательного исследователя, который свое время отдавал птицам, хорошо их знал. И в университете, помню, у него кабинет был на втором или на третьем этаже, маленькое помещение. Позднее он принимал экзамены, после первого курса, после второго. Он был очень строгим, но его все обожали, был улыбчивым, ласковым. Еще помню, ботанику нам преподавал, по-моему, Староверцев. Он выходил на лекцию, это была Ботаническая аудитория. Он читал ботанику и выходил всегда с черным бантом. Вот еще такая профессура была, которая выходила так, как считала нужным.

После окончания университета, сдачи государственного экзамена, Георгий Васильевич Никольский хотел оставить меня в аспирантуре, но ректор университета не подписал его заявление, сказав, что студенту с иностранной фамилией нежелательно быть в аспирантуре древнейшего русского университета.

Меня оформили лаборантом Института зоологии МГУ и это только благодаря заботам Георгия Васильевича. Работала я в Зоологическом музее МГУ в подвальных помещениях, хорошо оборудованных. В музее был хороший сторож — хранитель экспонатов. К сожалению, во время войны он от голода решил выпить рыбу вместе с фиксатором и умер от отравления.

Экспедиция на Байкал

Есть еще грустное воспоминание. К нам в МГУ на последний курс пришла студентка Наташа Давыдова из Ленинградского университета, она пришла как демобилизованная из армии в 43-м году. Летом она участвовала в нашей совместной экспедиции на Байкал от ВНИРО и погибла, утонула.

Д.С.: Расскажите подробнее об экспедиции на Байкал.

Е.Л-Г.: В это время в Москве организовали экспедицию во время войны, 43-й год, для того, чтобы (ведь было голодно) помочь промышленности рыбной освоить новые ресурсы. На Байкал была организована экспедиция. Она была организована ВНИРО — это Всесоюзный институт рыбного хозяйства. Там был профессор Чаликов, еще старший научный сотрудник Счаснев и Кузьмин-Караваев — 3 человека. Им были нужны студентки, и Георгий Васильевич, узнал про эту экспедицию на Байкал, порекомендовал меня и Наташу, которая из Питера. Она на год старше была девушка, уже с фронта, такая серьезная. И мы поехали на Байкал поездом, 9 суток вдоль реки Ангары. Из окна я, помню, видела рыбу, которую было видно очень хорошо. Туда раньше поезд шел прямо по берегу, потом уже сделали тоннель в горах. На станции Мысовая разгрузили нас, мы, конечно, с деревянными ящиками, с оборудованием. Нас получилось 8 человек, и мы были распределены. Ждем, когда нас, нашу экспедицию московскую с берега доставят на рейд, там стоит корабль «Комсомолец». Два корабля плавало на Байкале: «Коммунист» и «Комсомолец». «Комсомолец» стоял в ожидании пассажиров и в ожидании экспедиции. Было известно, что экспедиция будет из Москвы, ее надо будет отправить дальше по Байкалу. Мы долго ждем, нас никуда никак не везут, уже смеркалось, и начал капать дождь, и было тихо-тихо, вода была гладкая-гладкая. Уже было после 12, и мы сами видели, как вода зарябила, пошла волнами и ветер подул. Это был баргузин, который дует, когда разойдется от берега до берега, потом эта волна поворачивает и несется обратно. В это время с корабля спасательная шлюпка отделяется, и на берег выходит капитан и старпом — два молодых мужчины — и говорят: «Что это вы тут сидите?» — «Мы ждем пока нас перевезут на корабль». — «Ууу, это вам долго ждать тут, кто полегче давайте мы заберем в шлюпку!» И мой начальник говорит: «Елена, возьми мой портфель с документами, — у него был такой большой рыжий портфель, — они просят пассажиров полегче». И еще девушку одну нашу, которая должна была добираться в другое место. И мы поплыли к кораблю, стоящему на рейде, и тут разыгралась волна, да так разыгралась, что когда мы только захотели спросить что-то, они нам сказали: «Молчите!» Пришвартовались к кораблю. Нас с трудом подняли по штормовому трапу на корабль, мы уже на четвереньках ползали по палубе, чтобы скрыться, потому что корабль уже пошел, он должен был завести мотор. Нельзя стоять, надо быть на ходу, иначе выбросит на скалистые берега. И пошли. И вот через этот гул, шум, который так разыгрался на Байкале. Кто себе не представляет, тот вряд ли меня поймет.

Мы видели сначала, что баркас с нашими остальными участниками вышел от берега, а потом мы слышали их крики.

Корабль пошел на север. Когда уже наступило утро, Байкал успокоился. Это был такой вот шторм. В устьях реки Селенги, я должна была высадиться, ведь у меня документы, и когда приедет мой начальник, я должна быть с этими документами. Меня высадили, там тоже стоял катер, и я оказалась на берегу одна с этим портфелем.

Д.С.: Вы же сказали, что вы были вдвоем.

Е.Л-Г.: Да, мы были вдвоем, вторая студентка, Аля Бурдукова, должна была пойти на север на этом же корабле, где уже был один наш сотрудник, Кузьмин-Караваев. Он туда долетел самолетом. Раньше он был членом экспедиции, и ему была нужна студентка, Аля. Так что я осталась одна на Селенге. Хожу по берегу, неприкаянная. Кстати, наблюдала за рыбаками — так интересно! Узнала, что такое жарить омуля «на рожне». Вы знаете, что такое «рожон»?

Д.С.: Нет, я знаю только что такое «лезть на рожон».

Е.Л-Г.: Да. Вы берете рыбу, ей в рот втыкают палку, заточенную, длинную палку. И вот вокруг костра ставят палки, это называется «на рожон». И вот она печется над пламенем, вернее уже в пламени, течет жир, и такая вкусная рыба получается! Изумительно!

Д.С.: А что все-таки произошло? Они остались живы?

А.К. Вандербеллен и Л.И. Лубны-Герцык. 1920-е гг.

Е.Л-Г.: Чаликов, начальник экспедиции, прекрасный был профессор. Он взял с собой жену, ну экспедиция, деньги, как говорится, дали, а она такая грузная, но не специалист, просто как его жена поехала с ним вместе. Крупная такая женщина была. Причалила моторная лодка с милицией и спрашивает: «Здесь от экспедиции есть сотрудник, мы за ним приехали». Все сразу узнали, что это за мной, и я вот с этим рыжим большим портфелем села в лодку. Милиционер говорит: «Погибли ваши». Привезли меня на Мысовую станцию, куда мы приехали, а там народу много очень встречает меня, я помню, там одна была женщина и говорит: «Господи, а мы-то думали ты утонула!» Я еще не в курсе. Оказалось, что им дали баркас (это война), на баркасе был матрос, демобилизованный с одной рукой и девушка матрос. Они на корму сели, а в середине (баркас огромный) — ящики с оборудованием. Чаликов с женой, еще Наташа и Счаснев, такой был тоже ихтиолог. И когда они вышли, нельзя было их выпускать, неподходящий корабль, уже началась буря, нельзя было выходить в море, но они вышли, и вот не дошли до корабля, потому что их захватила волна. Эта женщина схватилась за борт, что тоже никогда не разрешается, их перевернуло, вода очень холодная, глубина такая, что Байкал не держит...

Д.С.: И все погибли?

Е.Л-Г.: И все погибли. Был суд, приехала из Москвы комиссия. На 10 лет арестовали того, кто отправил

нас туда. Поставили памятник. Никто не знает, где он стоит. Не памятник, а башенку и красную звезду, я знаю где.

Д.С.: Трагедия, конечно.

Е.Л-Г.: Да, но мы там еще оставались. Вернулся с севера Кузьмин-Караваев и Аля, нас стало трое, а трое человек погибло! И какое-то время мы там работали, у меня была курсовая, надо же было все это сделать.

Эвакуация МГУ, участие в обороне Москвы

Д.С.: Елена Александровна, скажите, ведь МГУ же эвакуировали в Ашхабад? Вы уезжали или нет?

Е.Л-Г.: Нет.

Д.С.: А почему?

Е.Л-Г.: Биофак не уезжал, химфак и еще истфак не уезжал, так сложилось! Был митинг, у нас же два здания: левый — это физмат, а наш биофак — правый, и химия — во дворе. Вот на мехмате были проводы, был ректор и студенты, все собрались. Они все были с рюкзаками, потому что неизвестно было сколько они пойдут пешком, но эвакуировались организованно. Хватило порошу на эвакуацию вот этой части активной. Был не 41-й, 42-й год, наверное, когда активно эвакуировали университеты. Это же вся Москва эвакуировалась, все министерства, это же не так просто. И вот университет эвакуировался, мехмат и физфак, а наш биофак и истфак так и не эвакуировались, и наша профессура, Георгий Васильевич оставался, но нас перевели на казарменное положение, и получилось очень удачно. У нас было очень хорошее помещение Зоомузея. Во-первых, там бомбоубежище было, во-вторых, здание вообще прекрасное. Нас сразу привлекли к работе, и мы были командой Краснопресненского района, утвержденной. Команда обороны Москвы, студенческая. Потом мы были на казарменном [положении], ночевали по очереди, отец был рядом на Арбате, мне пять минут добежать. Помню эти ужасные зеленые щи мы ели. И давали нам 400 грамм хлеба — целый батон. Потом нас отправили на рытье окопов. И еще работала в эвакогоспитале. Я имею медаль «За оборону Москвы».

Д.С.: Значит продолжалось обучение. Налеты были, были разрушения, здесь вот на Никитском.

Е.Л-Г.: Налеты были в первом году. Потом немцев все-таки отогнали, но все равно дежурство продолжалось. Первые налеты были... Так много бросали этих зажигалок.

” Мы бегали по крыше Манежа, и все эти зажигалки, уже не было чем скидывать... Мы их ногами распахивали, потому что они просто сыпались.

Они вообще как-то бездарно их разбрасывали. В Кремль почти не попадали, хотя ориентиры были прекрасные.

Д.С.: Там же была построена специальная отвлекающая маскировка.

Е.Л-Г.: Да, наверное, она работала, потому что удивительно, так же как они не попали в мост, они все старались в мост метро попасть, так и не попали в результате, зато разрушили очень многое на Девятинском переулке, страшные бомбы были. Многие вспоминают театр Вахтангова.

Д.С.: Василий Васильевич Куза там погиб.

Е.Л-Г.: Да.

Д.С.: А потом дом в начале Никитского бульвара.

Е.Л-Г.: Так попало прямо в Тимирязева, причем почему-то нам было смешно (вот что значит молодость), что у него отвалилась голова.

Д.С.: Скажите, пожалуйста, а вот все-таки обучение во время войны, это все-таки особое дело. Например, закрывали окна?

Е.Л-Г.: Заклеивали бумажками, но это было совершенно не нужно.

Д.С.: А топили или не топили?

Е.Л-Г.: Понимаете, стены толстые, я не помню, чтоб было холодно.

Д.С.: А обучение, лекции были?

Е.Л-Г.: Были, Георгий Васильевич был с нами. Потом был с нами с химфака очень хороший преподаватель, но это уже 4 курс. Я вот помню частную ихтиологию. Это очень трудный предмет, и у нас время было, мы дежурные, мы не можем отойти, только по тревоге мы выскакиваем на улицу, а так мы сидим. У нас, наоборот, были условия очень удобные. Мы друг другу лекции читали, и Георгий Васильевич при этом участвовал. Помещение очень хорошее, мраморный пол, широкий вестибюль. Продукты доставляли как могли. Все было общее. Помогали друг другу.

И.Д. Папанин. Университетские друзья

Д.С.: А как получилось так, это, конечно, другая тема, что вы стали ни орнитологом, ни ботаником, а пошли в океанологи?

Е.Л-Г.: Случайно, это случай или судьба, хотя не такой уж и случай. Георгий Васильевич меня сосватал. Когда Папанин вернулся, то в числе папанинцев был Ширшов — академик-планктолог, моя будущая профессия. И он стал директором института, и не был еще институт, была кафедра океанологии.

Д.С.: При каком факультете?

Е.Л-Г.: Ни при каком факультете, она была сама по себе. Организована после льдины. Сталин любил делать такие жесты. Он сделал такой жест, обогатил Папанина, который к науке никакого отношения не имел.

Д.С.: Ну! Он же доктором стал.

Е.Л-Г.: Он чистый хозяйственник!

” Он взял с собой на льдину вместо спирта, который нужен был для фиксации проб, коньяк, и поэтому нам остался в наследство, Ширшов нам привез планктон в коньяке. И у нас все наши копеподы оказались коричневыми.

Ну это не важно, мы разобрались. Во всяком случае, вот такой анекдот. Но зато он получил такие деньги, что строил научные корабли. Ведь он тогда сразу заказал два корабля в Финляндии, и был выстроен и «Менделеев», и «Курчатов». Сейчас их порезали давно уже. Вот «Витязь», слава богу, остался как музей в Калининграде. Меня туда пригласили на открытие торжественное, сейчас он сохранился как Музей мирового океана, и Калининград очень многое имеет от этого.

Д.С.: А расскажите о профессоре Абрикосове отдельно.

На корабле «Витязь». 1957

Е.Л-Г.: Я помню его фигуру, худой такой, вытянутое лицо. Строгий, скромный. И он преподавал... запомнила.

Д.С.: Ну а кого еще вы из учителей сможете вспомнить? Кто был вашим научным руководителем?

Е.Л-Г.: Георгий Васильевич — кафедра ихтиологии. Вот Лена Шубникова, жила тут на Арбате. Она была гистологом, и Георгий Васильевич всех своих студентов очень хорошо устраивал, старался, помогал им. Как-то удалось ему помочь мне и потом еще одной студентке, которая уехала в Мурманск, там вышла замуж, работала ихтиологом долгое время. В Мурманске, там же есть ПИНРО — Полярный институт рыбной промышленности.

Д.С.: А среди тех, с кем вы учились, ваших студенческих друзей, кого бы вы могли выделить как ярких личностей?

Е.Л-Г.: Вот Элю, которая была аспиранткой у Формозова. К сожалению, из тех мальчиков, которые уехали от нас со станции, из восьми мальчиков только трое вернулись с войны, из них я сохраняла долго очень отношения с Игорем, который стал хирургом. Он вернулся с войны и пошел сразу в медицинский, не вернулся на биофак, так что я его знала на первых двух курсах. Он стал крупным хирургом военным, и потом сохранил тоже свою специальность. Еще Муся Закина, мы с ней очень дружили. Она тоже биофак окончила, потом в медицинский поступила. Понимаете, наука была уже меньше нужна, поэтому они вот рванули в медицинский. Я тоже работала в эвакогоспитале.

Д.С.: В Москве?

Е.Л-Г.: Да, на Никитской, сейчас там посольство. Туда привозили сразу с фронта окровавленных. Там ужасный случай был, я никогда не забуду: столбняк, когда человека корежит полностью, мышечная система вся нарушена, он не владеет ею, теряет память! В этих случаях его сразу увозили в клинику, потому что среди окровавленных больных было трудно с ним работать медикам. В общем, эти условия были очень тяжелые, но это был эвакогоспиталь, то есть ближний фронт.

Д.С.: Ваше происхождение не помешало поступлению?

Е.Л-Г.: Ну, вот в аспирантуру меня не приняли. А поступлению это не помешало: я прошла по конкурсу, человек прошел по конкурсу, что его сразу отчислят... Я никогда не была комсомолкой вообще, а я помню шестая группа у нас была в университете, я была в пятой. Шестая группа была такая активная, у них там и самодеятельность была на первом курсе, и, в общем, они меня все сманивали, давай переходи к нам, в комсомол поступишь, а я что-то притормаживала. Я не могу объяснить, у меня причины не было, но что-то меня не тянуло туда, и так я прожила без комсомола. Ничего страшного.

Д.С.: Ну и в партию, соответственно, тоже?

Е.Л-Г.: Понимаете, с партией тут получилось не все гладко.

Д.С.: Ну тогда давайте ее отложим на будущее. Тогда все-таки, поскольку ваши годы обучения совпали с войной, вы с биофаком не уезжали и биофак не уезжал из Москвы, опишите Москву военного времени, тот быт, который вы наблюдали, что работало, что не работало, что мерзло и так далее.

Е.Л-Г.: Зачем вам война? Но если мы с вами не прервем знакомство, то я не откажусь встретиться еще раз.

Д.С.: Хорошо, Елена Александровна, спасибо вам большое!

Текст авторизован и дополнен Е.А. Лубны-Герцык.